

Моск. правда - 20 апр - 2006 - с.3

Судьбы

Первое сопрано Большого театра

«Я жила искусством и любовью, никогда никому не делала зла» - эти слова пуччиниевской Флории Тоски могла бы произнести и Маквала Касрашвили. Искусством она живет уже сорок лет, и все эти годы поет в Большом театре. В честь такого редкого события на его Новой сцене шла «Тоска». Почему редкого? Да потому что мало кто из оперных солистов может сравниться с Касрашвили по певческому долголетию в Большом. Примадонна пела свою коронную партию, лучшей исполнительницей которой остается и сегодня. В зале были ее друзья - Елена Образцова, Тамара Синявская, Зураб Соткилава, Алла Демидова, официальные лица, поклонники. Думаю, этот спектакль, которым дирижировал Арво Вольмер, запомнился всем его слушателям.

Изумительный голос выдающейся вокалистки очаровывал слушателей бархатистым тембром, пряным ароматом, свободой вокала. До сердца доходила каждая интонация, каждый обертон, передававшие нюансы любви и страданий героини. Певца проживала историю Тоски, как свою. Вспомнились слова Мстислава Ростроповича, говорившего об «аристократизме вокального стиля» Касрашвили.

Когда прозвучала последняя нота, на сцену поспешил Михаил Швыдкой, глава Федерального агентства по культуре и кинематографии России. Если Тоска, сказал он, «желанная женщина Рима», то Маквала Касрашвили - желанная певица на оперных сценах всех столиц планеты. Ее божественный голос покорила весь музыкальный мир...

Генеральный директор Большого театра Анатолий Иксанов добавил, что в личности примадонны - уникальное сочетание большого таланта и высоких человеческих качеств. Уже четыре года Маквала Касрашвили руководит оперной труппой Большого. И при этом сохраняет дружбу со всеми коллегами. На свете мало людей, которые, обладая уникальным даром, так бы легко, как она, проходили испытание славой. Она никогда не «кричит» о себе.

Познакомились мы с Маквалой Филимоновной в доме Аллы Сергеевны Демидовой. Они друзья.

«У Маквалы - золотое сердце», - сказала мне однажды Алла Сергеевна. А она, как известно, не распыляет комплименты. В ее книге «Бегущая строка памяти» есть глава о подруге - «Маквала».

Ей было двенадцать, когда во сне она увидела себя поющей на сцене Ла Скала. Маквала узнала об этом театре из радиопередач о классической музыке, где звучали голоса Карузо, Джили, Ланца... Девочка слушала оперные арии и пела их, не понимая слов. А жила она в грузинском Кутаиси. Удивительно, но сон оказался явью. В двадцать два года

Маквала переступила порог Большого театра. И вскоре вышла в спектакле родного театра на прославленную итальянскую сцену.

В тринадцать лет Маквала начала учиться в Кутаисском музыкальном училище.

Одна из ее подруг поступила в Тбилисскую консерваторию в класс профессора Веры Давыдовой, великой певицы Большого театра, исполнительницы партии Кармен. Маквала не раз слушала ее по радио. И решила тоже ехать в Тбилиси. Ее приняли на подготовительное отделение, но она мечтала о классе Давыдовой. А та, узнав об этом, сказала: «Зачем она мне нужна такая - квадратная, как стол, и безголовая?». Маквала села у дверей ее квартиры и зарыдала. Вера Александровна сжалилась и взяла ее в свой класс.

Маквала не только не пропустила ни одного своего урока, но сидела на других, все впитывала в себя. Когда появилась пластинка с записями Ренаты Тейбальди, она выучила арию Баттерфляй. Пришла и спела Давыдовой. И произошло чудо: голос, спрятанный глубоко, вдруг зазвучал легко, мягко и естественно. Прошло время, и в Тбилиси приехал тогдашний заведующий оперной труппой Большого театра Анатолий Орфенов. Он обратил внимание на Касрашвили. А через месяц ее, студентку пятого курса консерватории, вызвали на прослушивание в Москву.

Ехать было не в чем. Мама дала цигейковую шубу, а та была на три размера больше, Давыдова - красивый теплый шарф. Маквала помнит, как с Важей Чачавой бегала по проспекту Руставели в поисках сапог. На прослушивании Маквала пела итальянские арии. Ей сказали, что она зачислена в стажерскую группу театра. Судьба была определена.

Первые годы в Москве, где нет ни родных, ни знакомых, были самыми трудными. Но характер у Маквалы упорный, настойчивый, энергичный. Раз решила стать оперной певицей,

то будет ею, чего бы это ни стоило.

Ее звездная карьера началась с Прилепы в «Пиковой даме» и Микаэлы в «Кармен». Когда Маквала выступила в партии Графини в «Свадьбе Фигаро», пришел успех. Слушатели поверили, что перед ними аристократка со светскими манерами. Это была безусловная победа певицы. Вишневская написала тогда в газете об ее выступлении, четыре раза употребив слово «профессионализм».

Певце не было и тридцати, когда она начала готовить Тоску. Вокруг говорили, что у нее лирическое сопрано и рано браться за такие роли. Борис Александрович Покровский отвечал на это, что, мол, Касрашвили больше лет, чем было Тоске. А сама певица уже тогда знала, а скорее чувствовала, что может и что должна петь.

Однажды Борис Александрович замечательно сказал: «Чтобы быть хорошим певцом, мало иметь голос, нужна чистоплотность души, нужна совесть, а это - Маквала Касрашвили».

Были в ее судьбе и непредвиденные обстоятельства. Пела она Иоанну в «Орлеанской деве» Чайковского. В финале ее героиня возносится на кресте, который рабочие прикрепляли к специальной подставке. За несколько секунд они должны были вставить штыри в крест, а крест в подставку, прикрепить певицу ремнями к кресту и дать в руки специальную колоду. На одном из спектаклей они все быстро сделали, но почему-то не успели привязать Касрашвили. И вот стоит она в образе, готовится возвестись. Поплыла вверх. Сзади поет хор. Из люка валит дым. И в тот момент, когда певицу подняли почти на шесть метров, подставка под ней вдруг закатилась, и она, не успев даже измениться в лице, рухнула. В голове пронеслось, что это конец. Публика ахнула, но решила, что так и должно быть. Певицу спасла колода на руках, которая и амортизиро-

вала падение. Однако правая рука оказалась сломанной. Больше в этом спектакле она не участвовала. Шок был сильнее, чем падение.

Примадонне приходилось петь с трахеитом, бронхитом, даже с несмыканием связок, поскольку больше в тот момент работать было некому. И вот такой случай. Касрашвили пригласили исполнить Аиду на открытии сезона «Арена ди Верона» - итальянского театра под открытым небом на 30 тысяч мест. Утром была сценическая репетиция, днем - спевка с дирижером, а вечером репетиция уже на арене. И все это она пропела в полную силу. Не было рядом человека, который остановил бы ее. Вдруг чувствует, что голос пропадает. А итальянцы ждали ее выступления, поскольку певицу рекомендовал дирижер Нелло Санти. Она дебютировала с ним за год до этого в «Аиде» в Мюнхене. Впервые пела тогда главную партию. Выучила ее дома, без единой оркестровой репетиции, чему дирижер даже не поверил. Она вышла на мюнхенскую сцену и превосходно спела свою Аиду.

Но что же делать, когда голос пропадает? Маквалу повели к врачу. Диагноз был суровый: связки напряжены, молчать надо двадцать дней. А премьера - через два дня. Но она была молода и решила рискнуть. Врач сделал ей укол, он восстановил энергию и тонус связок. И вот премьера. Касрашвили пропела два акта, с ужасом ждет третьего, где сложнейшая ария Аиды. Как вдруг - на ее счастье - полил дождь. Спектакль отменили.

Вообще певцы редко поют абсолютно здоровыми. Маквалу в театре даже прозвали «трахеит», поскольку она южанка и часто простужается. Но вот что удивительно. «Перед спектаклем», - говорит Маквала Филимоновна, - чувствую себя больной, а выхожу на сцену, и все проходит, ощущаю прилив энергии».

Разумеется, в ее жизни было много спектаклей, на которых все шло хорошо - и здоровье, и голос, и партнеры, и дирижер...

В 1975 году с Большим театром она выступала в Метрополитен-опере. Это турне буквально потрясло американцев. Касрашвили пела Татьяну во втором гастрольном спектакле «Евгений Онегин», причем дневном. Обычно пишут рецензии на первый спектакль. А здесь написали и о ней. Критика была потрясающая. Потом были премьеры: Наташа в «Войне и

мире» и Полина в «Игроке». И снова получила отличные отзывы. Дирекция Метрополитен-оперы пригласила ее с Юрием Мазурком спеть «Евгения Онегина» в их новой постановке через четыре года.

Но время тогда было жесткое, и Госконцерт не хотел ее выпускать. К тому же она дружила с Вишневской и Ростроповичем, а они уже были лишены гражданства. Кстати, Касрашвили долго не давали из-за этого звания народной артистки Союза. И все же они с Мазурком прилетели в Нью-Йорк.

Помню в сцене письма Татьяны, - рассказывала Маквала Филимоновна, - когда я пела фразу «Стыдом и страхом замираю, но мне порукой ваша честь...», зал взорвался аплодисментами. В финале слушатели кричали: «Маквала, браво». И что меня изумило: на сцену сверху полетели маленькие белые бумажки. Они падали, как снег. Мне сказали, что это самое высокое признание публики.

Касрашвили пригласили и на следующий сезон. Но началась война в Афганистане. На восемь лет США были закрыты для советских артистов. Она пошла в Нью-Йорк на последнем отечественном самолете. После нее ни один посланец СССР не прилетал туда. Когда закончился двухмесячный контракт, ее уговаривали остаться. Дирижер Джузеппе Патанэ считал, что она со своими данными сделает там большую карьеру. Но Маквала не могла даже подумать об этом.

Через год она дебютировала в Ковент-Гардене и работала там четыре сезона. Его главный дирижер Коллин Дэвис пригласил ее на два мощафских спектакля. Она пела Донну Анну в «Дон Жуане» и Вителлию в «Милосердии Тита». А надо сказать, что в ее репертуаре - более сорока партий. Услышала я от Маквалы Филимоновны и такую историю.

В Большом зале Московской консерватории выступали «Виртуозы Москвы». Потом Володя Спиваков пригласил друзей к себе домой. А через полчаса приехал и Путин, который не смог присутствовать на концерте. Он тогда был премьер-министром. И когда мы с Нани Брегадзе спели дуэтом грузинскую песню, Владимир Владимирович произнес замечательные слова. Но это все Нани. Считаю, что как нет равных Марии Каллас в опере, так нет и равных Нани Брегадзе в жанре старинного романса.

Лидия НОВИКОВА.